

Охота съ гончими ¹⁾.

Никифоръ, ты поѣзжай со стаей сзади, а мы на фурѣ будемъ ѣхать передомъ. Ночь была хотя темная, но всетаки на небѣ были звѣзды.

— Что-то мы долго ѣдемъ,—сказаль Солмовскій,—смотрите-ка на часы. Или это отъ пережитыхъ волненій время такъ медленно идетъ. Оказалось около часу.

— Миша,—крикнулъ Сомовъ,—фура остановилась.— Мы зря ѣдемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, правильно, не сбивай.

— Кой чортъ правильно. Ты говорилъ, что на половинѣ пути будетъ желѣзнодорожная линія, а мы уже ѣздимъ три часа и четырехъ верстъ не можемъ осилить. Да кромѣ того, когда выѣхали, то большая медвѣдица была у насъ въ лѣвой рукѣ, а теперь она справа.

— Ничего, ничего, это тебѣ такъ кажется, а ѣдемъ вѣрно. Петька,—крикнулъ Черномышевъ,—поѣзжай впередъ и смотри на дорогу. Петька поѣхаль.

— Стойте!—раздался изъ темноты голосъ Петьки.— Мы не дорогой ѣдемъ, а по залежамъ, и впереди какой-то оврагъ.

— Не можетъ тутъ быть оврага,—настаиваль Черномышевъ.

— Оврагъ, баринъ, подождите, я осматрю. И Петька куда-то скрылся. Оврагъ,—кричалъ онъ,—и съ водой.

— Что такое, тутъ не должно быть никакой воды. Да гдѣ же дорога-то?

¹⁾ См. сентябрь.

— Дорога осталась влѣво, я видалъ какую-то дорогу, — сказалъ Федоръ, — и Чалый все тянулъ влѣво.

— А пожалуй, мы немного ошиблись, — началъ подаваться Черномышевъ. — Поворачивай назадъ. Поѣхали въ обратную сторону, и всѣ стали слѣдить, чтобы не перѣхать дороги.

— Стой, — крикнулъ Черномышевъ, — вотъ она дорога-то. Это меня степь обманула, теперь уже не ошибусь. Поѣхали. Чтобы не терять дороги, послали Петьку передомъ. Ъхали опять долго.

— Погодите, — опять раздался его голосъ, — опять лощина. Всѣ остановились. — Это должно вершина отъ того оврага, не больно глубоко — перѣхать можно.

— Постой. — Черномышевъ слѣзъ и перешелъ лощину. Съ того берега слышался его голосъ: тутъ ровно, поѣзжайте прямо на меня. Только заѣзжайте прямой, а то съ косогуру и свалиться можно. Экипажи одинъ за другимъ спустились и съ трудомъ выбрались почти по отвѣсному берегу оврага.

— Гдѣ же дорога-то? — спросилъ Солмовскій. Дороги не было, а ѣхали межой, которая привела къ оврагу.

— Теперь должно быть не далеко и линія, — успокаивалъ Черномышевъ, не отвѣчая на вопросъ Солмовскаго о дорогѣ.

— Въ какой же сторонѣ, по-вашему, линія дороги. Но Черномышевъ не отвѣтилъ, а началъ разсуждать, что удивляется, для чего это строить желѣзныя дороги. Выстроили вотъ, а поѣзда не ходятъ, боятся что ли ночью. Онъ не хотѣлъ сознаться, что не можетъ ориентироваться и все думалъ, что будутъ слышны свистки паровозовъ.

— Да нѣтъ, ты прямо скажи, что не знаешь, и водишь насъ цѣлую ночь, — настаивалъ Сомовъ.

— Ну, вотъ, не знаю, что я въ первый разъ что ли здѣсь. Линія должна быть влѣво. Въ это время свистокъ справа донесся до охотниковъ.

— Вотъ такъ знаешь, — подхватилъ Сомовъ. — Показываешь налѣво, а линія вправо.

— Что же такое, свистокъ слышно справа. Это поѣздъ

въ Энскъ ѣдетъ, а если бы изъ Энска, тогда слѣва бы было слышно.

— Слушайте. Да ну васъ съ вашимъ споромъ. Давайте ѣхать прямо, доѣдемъ до линіи, а по ней до переѣзда доберемся,—сказалъ Солмовскій.

Пришлось еще нырнуть одинъ разъ, и наконецъ добрались до линіи. Вдоль ея шла дорога, поѣхали по ней и доѣхали до переѣзда. Остальные четыре версты не путали и пріѣхали въ Морякино. Тамъ охота остановилась у знакомаго мужика, прозваннаго охотниками «кудрявымъ». Иронія этого прозвища заключалась въ томъ, что голова его была совершенно гола, безъ одного волоска. Достучались съ трудомъ. Пока зажигали огонь въ избѣ, отворяли ворота, прошло довольно много времени, охотники прозябли и первымъ дѣломъ, войдя въ избу, распорядились ставить самоваръ.

Теплота избы благотворно подѣйствовала на взвинченные нервы отъ пожара, плутанья, и публика благодушествовала. Черномышевъ съ Жуковымъ выпивали, а Солмовскій началъ распѣвать почти всего Демона. Времени, когда вошли въ избу, было пять часовъ утра.

— Ну, Михаилъ Владиміровичъ,—сказалъ Солмовскій,—вы себя сегодня держали истинно героемъ. Откуда взялся у васъ такой властный тонъ, и потомъ, если бы не вы, намъ бы пришлось ночевать въ полѣ. Хорошо, что вы здѣсь вывелись и знаете дорогу, какъ свои пять пальцевъ, и хотя восемь верстъ ѣхали семь часовъ, но все-таки доѣхали, и сейчасъ благодушествуемъ. Вы нашъ спаситель, и мы вамъ устроимъ медаль за спасеніе погибающихъ.

— Хорошо... хорошо... Смѣйтесь. Теперь можно, а давеча небось не больно смѣшно было. Дѣйствительно, въ Зрячевкѣ положеніе было далеко не изъ пріятныхъ.

— Все хорошо, что хорошо кончается,—сказалъ Шубинъ.—Давайте спать, господа. Что-то усталость сказывается. Кудрявый съ Ванькой притащили соломы и черезъ полчаса, приказавъ не будить по утру, охотники спали, какъ убитые.

Утромъ наши охотники проспали и поднялись въ 10 часовъ; пока умылись, напились чаю, было уже около 12.

— Сегодня, господа, возьмемъ два острова. Они близко отсюда: Кирпичный и Бѣлые ключи; а завтра поохотимся съ утра, — сказалъ Черномышевъ, — такъ какъ насъ всего шесть стрѣлковъ, то будемъ становиться не по номерамъ, а на полянахъ и перемычкахъ въ разныхъ мѣстахъ. Его предложеніе было принято и одобрено. Острова были верстахъ въ двухъ отъ деревни. Лазы выбраны, и стрѣлки стали по мѣстамъ. Солмовскій сталъ на небольшой полянѣ, между двухъ отвершковъ, онъ залѣзъ въ кустъ курослѣпника и сѣлъ на пенекъ. Островъ былъ мелоча, преимущественно дубнякъ. Набросили гончихъ и начался гонъ, какъ на него вышла шумовая лиса. Шла она не поляной, а опушкой съ лѣвой стороны. Онъ ее видѣлъ только тогда, когда она появлялась между кустовъ, а за кустами ее совсѣмъ не было видно. Замѣтилъ онъ ее издали и, по его соображенію, она должна была пройти отъ него шагахъ въ пятнадцать. Онъ приготовился и держалъ ружье у плеча. Наконецъ, она исчезла за послѣднимъ густымъ кустомъ, онъ взялъ мушку и, рѣшивъ, какъ только она покажется, взявъ на поларшина впередъ, стрѣлять. Лиса до половины своего туловища выскочила изъ-за куста и неожиданно остановилась. Онъ, не ожидая такого маневра со стороны лисы и рассчитывая на движеніе ея впередъ, нажалъ гашетку. Раздался выстрѣлъ, и зарядъ прошелъ весь передъ мордой лисы. Она кинулась за кустъ влѣво и вторымъ выстрѣломъ ея достать было нельзя, мѣшали кусты.

— Ахъ, анафема, вотъ надула-то! Чортъ ее угораздилъ остановиться! Ахъ, проклятая, — ругался онъ. — Ну, ужъ если вторая пойдетъ тутъ, то я впередъ брать не буду, не обманетъ, а досадно все-таки. Разсуждая такимъ образомъ, онъ пристально глядѣлъ въ лѣвую сторону, гдѣ была первая лиса. Случайно кинувъ глаза направо, онъ увидалъ, шагахъ въ пятнадцать на полянѣ, на чистомъ мѣстѣ, вторую лису. Она стояла и слушала гончихъ. Солмовскаго она не видала. Не сводя съ нея глазъ, онъ началъ переносить ружье слѣва направо, стараясь дѣлать это какъ можно осторожнѣе, боясь произвести какой-либо шорохъ вѣтками. Вдругъ какая-то вѣтка зацѣпилась, и ружье ока-

звало сопротивленіе. Онъ дернулъ, раздался выстрѣлъ, и ружье отъ отдачи вылетѣло изъ рукъ. Лиса моментально скрылась. Солмовскій вскочилъ, и уже тутъ его брань пошла неудержимымъ потокомъ. Онъ ругалъ все и вся, и успокоился только тогда, когда хорошимъ выстрѣломъ свалилъ, изъ-подъ гончихъ, русака. Этотъ выстрѣлъ привелъ его въ превосходное настроеніе. По одной изъ лисицъ промазалъ Черномышевъ. Онъ по звѣрю стрѣлялъ плохо, но зато зайцевъ билъ почти безъ пудла. Вторая на глазахъ Шубина понорилась, онъ не успѣлъ стать на мѣсто. Убили еще двухъ русаковъ Сомовъ и Жуковъ. Стали брать второй островъ, тоже мелоча. Сомовъ сталъ почти на набросѣ, противъ мелочей, въ отвершкѣ. Вправо отъ него изъ мелочей выходила дорожка. Вѣрный лазъ,—подумалъ онъ. Остальные отправились дальше, въ заѣздъ. Гончія вскорѣ погнала. Сомовъ увидалъ, что лазомъ не ошибся. Вели прямо на него по дорожкѣ. Онъ приготовился, ружье у плеча и ждетъ, Гончія ближе и ближе. Наконецъ, на поляну выскакиваетъ штукъ двадцать овецъ и за ними слѣдомъ вся стая.

— Ну, теперь скандалъ!.. начнутъ валять овецъ, ничѣмъ не отобьешься. — Сомовъ вспомнилъ, какъ однажды, стая барона Ремздорфа, съ которымъ Сомовъ былъ на охотѣ, попавъ въ стадо, положила болѣе сорока штукъ. Онъ съ крикомъ: «Стои! Гончія стои!» кинулся къ овцамъ. Овцы крутились въ кучѣ, а гончія съ голосомъ вертѣлись около нихъ.

Никифоръ, слыша гонъ, порскалъ и подкрикивалъ гончимъ: «Слушъ къ нему! Слушай!»

— Никифоръ! Чертъ!—оралъ Сомовъ. Ходи сюда!—бѣгалъ кругомъ гончихъ, но безъ псарей ничего не могъ сдѣлать. Подскакалъ Никифоръ и сейчасъ же сбиль гончихъ. Сомовъ успокоился. Онъ убѣдился, что гончія не скотинники, и что все кончилось благополучно.

— Зови въ рогъ,—надо кончать,—приказалъ Сомовъ. Овцы ушли обратно въ лѣсъ, а остальные гончія подваливали къ рогу.

Никифоръ осмотрѣлъ гончихъ: морды у всѣхъ были чистыя, значить, овецъ въ лѣсу не рвали.

— Петька, Бушуя нѣтъ,—сказаль Никифоръ. Ъзжай ищи! — Петька поѣхаль и недалеко отъ опушки остано-вился.

— Баринъ,—кричаль онъ Сомову,—смотрите-ка, никакъ одну задушилъ?—Сомовъ пошелъ къ нему. Оказалось, что Бушуй сидить около лежащей овцы. Петька слѣзъ съ лошади, поймалъ Бушуя на смычокъ и началъ ему всыпать складнями, приговаривая: «Отрышь, не смѣй!» съ прибавленіемъ разныхъ крѣпкихъ словъ. Наконецъ, выпустилъ его, и тотъ со всѣхъ ногъ кинулся къ стаѣ.

Овца лежала неподвижно, но какъ только Петька нагнулся къ ней, такъ она вскочила и, немного прихрамывая на заднюю ногу, скрылась въ лѣсу.

— Что такое? отчего гончихъ вызвали? — спросилъ подѣхавшій Черномышевъ. Ему объяснили. И поѣхали домой.

Въ то время какъ пили чай, вошла баба и заявила, что наши собаки разорвали ея овцу.

— А гдѣ она?—спросилъ кто-то.

— Дома, сейчасъ за ней ѣздили и привезли, смотри ужъ теперь не сдохла ли; пастухъ-то приѣзжалъ и баетъ: «бѣги, тетка Агафья, барскія собаки, баетъ, стадо рвутъ». Я такъ и сомлѣла.—«Твою, баетъ, ярку разорвали». Я кинулась, плачу это, добѣгла къ деверю, а пастухъ-то опять съ ребятами къ стаду побегъ,—а тамъ рвутъ, а тамъ рвутъ у насъ, Владычица! докуда деверь лошадь запрягъ стадо-то пастухъ-то пригналъ, а моя ярка-то вся какъ есть изодранная.

— Да какъ же, тетка Агафья, она разорванная-то со стадомъ пла?—спросилъ Солмовскій.

— Ужъ и ума не приложу!.. а только не жить ей, моей кормилицѣ!..—и баба собиралась заплакать.

— А ты постой плакать-то, давай толкомъ разберемъ. Что твоя ярка стоитъ?

— Да ктожъ ее знаетъ! Кума Матрена, малость поболѣ моей, продала за 8 руб., а моя-то, я баю, самая малость похуже-то будетъ, ужъ двѣнадцать рубликовъ положите. Вамъ что! вы все-таки за ней поохотились!..

Всѣ расхохотались; никто не сердился на бабу. — Ты вотъ что, тетка, ярку твою я видѣлъ, — сказалъ Сомовъ, — ей только чуть заднюю ногу попортили. Возьми ты три рубля, и овца останется, и ей ничего не сдѣлается.

— А ты ужъ прибавь еще что-нибудь! — просила бабу.

— Ну, на вотъ еще, на чай тебѣ, цѣлковый, и ступай съ Богомъ!

Бабѣ заплатили четыре рубля и поднесли чайную чашку водки. Она поблагодарила и ушла, довольная господами.

— Ну, знаешь, Миша, молодцы твои гончія! — будь это скотинники, такъ скандалъ бы страшный былъ, и охота въѣхала бы въ копѣечку!

Ванька доложилъ, что пріѣхалъ мужикъ съ письмомъ.

Вошелъ нарочный, котораго Черномышевъ посылалъ къ полѣсовому относительно волковъ, и подалъ кусокъ бумаги. Полѣсовый писалъ такъ: «Вашъ Вы — соко благородія Михалъ Владимрычъ волки шесть молодыхъ и два стараи цели прѣжати вкармани, дображалающъ Федаръ».

— Вотъ, господа, за этихъ волковъ я ручаюсь! Этихъ мы возьмемъ! — Тамъ никто не охотился, и Федоръ мужикъ вѣрный. Завтра ѣдемъ туда, переночуемъ гдѣ-нибудь въ пути, а послѣ завтра будемъ брать. Сейчасъ пошлю нарочнаго къ Тюрмину, — пусть захватитъ съ собой еще чело-вѣка три и на перевозѣ дожидаются насъ.

— Да гдѣ волки-то? — спрашивали всѣ.

— За Волгой въ Карманѣ — мѣсто такое, что ужъ ручаюсь, что они въ мѣшкѣ.

— Опять мѣшокъ! — смотри, какъ бы такой же мѣшокъ не вышелъ, какъ у Дьяконова! — сказали ему.

— Ну, что вы! разъ я говорю, то можете вѣрить: я ручаюсь, чѣмъ угодно.

— А какъ тамъ насчетъ аграрныхъ безпорядковъ? — спросилъ Шубинъ, улыбаясь.

— Нѣтъ, тамъ этого опасаться не надо. Ночевать будемъ въ лѣсу, въ караулкѣ, и на двадцать верстъ никакого жилья нѣтъ. Я тамъ раньше бывалъ, и если тамъ захватывали выводокъ, то почти весь всегда забирали — больно мѣсто удобное...

— Баринъ,—перебилъ Черномышева Кудрявый,—вапъ рыжій что-то хромаеъ. Я его давеча водилъ, поить, такъ онъ на правую переднюю ногу припадаетъ.

Черномышевъ пошелъ съ Сомовымъ посмотрѣть. Лошадь, оказалось, почти не становится на правую переднюю ногу.

— Ну, вотъ!—это всегда!—нельзя завести ничего хорошаго! Теперь придется татарамъ продавать. Что же это съ нею? посмотри, пожалуйста, Константинъ Алексѣевичъ, ты вѣдь понимаеъ!—Сомовъ дѣйствительно понималъ въ лошадяхъ; но понимать лошадь и лѣчить ее—это большая разница; Сомовъ однако былъ увѣренъ, что онъ и лѣчить можетъ. Онъ, съ видомъ знатока, подошелъ къ лошади, сталъ спереди и посмотрѣлъ на ноги.

— Дѣло плохо, Миша,—сплекъ! Смотри, видишь, какая яма на плечѣ? Ты вчера не замѣтилъ—нигдѣ не спотыкалась она?

— Нѣтъ,—даже въ одномъ мѣстѣ, черезъ канаву прыгнулъ, и она твердо и легко перепрыгнула.

— Ну, вотъ и разгадка—при прыжкѣ она и сплечилась! Ты развѣ не видишь? Смотри, лѣвое плечо полное, а въ правомъ западина!—возьми пощупай рукой.

Черномышевъ пощупалъ и тоже нашелъ какую-то разницу.

— Это вѣрно, баринъ, сплекъ у нея!—подтвердилъ Кудрявый,—я это знаю. Я раньше барышничалъ.

— Что же дѣлать теперь съ ней?—растерянно спрашивалъ Черномышевъ.

— Вотъ, что хорошо: на больную ногу надо привязать гирю, фунтовъ въ десять,—говорилъ Кудрявый,—и купать. Пущай съ гирей плаваеъ и сама выправить. Это у насъ случалось.

— Все ты вздоръ городишь!—перебилъ авторитетнымъ тономъ Сомовъ.—Пойдемъ въ избу, я тебѣ напишу рецептъ мази и скажу, какъ надо сдѣлать.

— Что съ лошадыю?—спросилъ вошедшихъ Солмовскій.

— Вотъ, Константинъ Алексѣевичъ говорить—сплечилась,—придется сейчасъ отправить ее въ Энскъ и тамъ лѣчить. Напиши-ка рецептъ, а я прикажу Ивану Петро-

вичу, чтобы онъ понаблюлъ лично. Сомовъ, написавъ, подалъ Черномышеву.

— Вотъ эту мазь надо втирать въ плечо; раздѣлить ее на два раза; одну часть вмазать по утру, а остальную часа черезъ три. Лошадь въ теченіе пяти сутокъ изъ станка не выводить, нужно дать абсолютный покой. Только не пугайся,—средство это безусловно вѣрное, но страшно сильное: вся шкура съ плеча сойдетъ цѣлымъ кускомъ, и подъ ней будетъ массачная, и боль будетъ страшная,—лошадь до плеча не дастъ дотронуться,—но ручаюсь, что отъ сплека лошадь будетъ излѣчена окончательно.

— Да, можетъ быть, это вовсе не сплекъ?—возразилъ Солмовскій.

Сомовъ улыбнулся улыбкой профессора на сомнѣніе Солмовскаго, онъ былъ увѣренъ въ своихъ познаніяхъ.

— Это сплекъ, тутъ и думать нечего!—вступился за Сомова Кудрявый.—Это у насъ часто бывало. Хорошо еще ей здоровую ногу подвязать, штобъ она на больной стояла!—это тоже помогаетъ; а то она на больную-то будетъ опасаться стать, а какъ подвязать-то, то поневолѣ придется на больной стоять, и плечо-то тогда вправится.

— Я понимаю, что Кудрявый, благодаря невѣжеству, можетъ предлагать такіе варварскіе способы лѣченія, ну, а вамъ-то, Константинъ Алексѣвичъ, это непростительно.

— Что такое? Вы находите, что помочь животному избавиться отъ боли—варварство?—Значить, всѣ операціи, по-вашему, тоже варварство?—Странный взглядъ!—горячился Сомовъ.

— Вы не горячитесь, но простите, что я въ вашихъ ветеринарныхъ способностяхъ сомнѣваюсь, а въ удобопримѣнимости вашихъ методовъ лѣченія не вѣрю. Методъ «клинь клиномъ вышибай» давно уже оставленъ. А самое лучшее, Михаилъ Владиміровичъ, пошлите вы лошадь къ ветеринару Задирину. Онъ, кажется, понимающій и можетъ быть найдеть, что хромота отъ какой-нибудь другой причины; а ужъ если сплекъ, то лѣченіе, Константинъ Алексѣвичъ, можно и потомъ примѣнить.

— Странно сомнѣваться!—возражалъ попрежнему Со-

мовъ.—Каждый, кто повозился съ лошадьми,—а мнѣ это пришлось испытать не мало,—всегда сумѣетъ отличить хромоту плечевую отъ копытной, а тутъ даже яма на плечѣ.

— Вы знатокъ въ лошадяхъ,—вамъ и книги въ руки; я не спорю съ вами, а только до осмотра ветеринара не сталъ бы мучить животное вашимъ лѣкарствомъ. Вы понимаете? До осмотра ветеринара!

— И если вашъ хваленый Задиринъ не найдетъ у лошади сплека, я скажу, что онъ ничего не понимаетъ!—сказалъ успокоиваясь Сомовъ. Онъ былъ увѣренъ въ своемъ діагнозѣ.

— Баринъ, татары махалу предлагаютъ!—сказалъ Никифоръ.

— Непремѣнно возьми. Пускай зарѣжутъ пару лошадей и накорми парнымъ сырцемъ. — Два дня будемъ въ переходѣ, и это для гончихъ полезно; ты сегодня накорми, а завтра поутру, пораньше, подкорми стаю и ступай въ Карманъ, а мы къ вечеру подъѣдемъ.

Черномышевъ сталъ писать письма въ Энскъ, Тюрьмину и ветеринару, приказавъ Платону готовиться ѣхать нарочнымъ съ письмами и съ хромою лошадью, а изъ Энска дожидать стаю съ Никифоромъ на перевозѣ черезъ Волгу.

— Мамынька! тамъ собакъ сымаютъ,—сказала, войдя въ избу, дочь хозяина.

— Ну, ай кой подошли?—удивилась хозяйка.

— Чаво подошли?!—не понимая вопроса, отвѣтила дочь.

— Ты баешь, сымаютъ собакъ!

— Что ты, я баю: сымаютъ на патреты!

— Ахъ, ты, Господи! Я думала, подошли, да татары съ нихъ шкуры сымаютъ! Ну, ужъ выдумщики, Господи! Съ собакъ патреты сымать!

Отправивъ Платона и давъ инструкціи Никифору, охотники легли спать. На другой день выѣхали не особенно рано и, переночевавъ въ деревнѣ Щаповкѣ спокойно, безъ всякихъ намековъ на аграрные безпорядки, ко второму рейсу перевоза были на пристани за часъ до отхода парохода. На пристани имъ сказали, что съ первымъ рейсомъ,

въ пять часовъ утра, охота,—два охотника съ собаками,—переправилась.

— Значить, Платонъ не успѣлъ и поѣдетъ съ нашимъ рейсомъ. Не знаю, что лошадь? Какъ онъ ее довель? А вотъ и онъ!—сказалъ Черномышевъ.—Что, ты запоздалъ?—обратился онъ къ подъѣхавшему Платону.

— Долго ѣхалъ до города! Лошадь-то на трехъ ногахъ шла и все время тянулась на поводу, только ночью вчера довель.

— Ну, что она? Къ доктору водили?

— Ночью не отвель. А нынче утромъ чуть свѣтъ былъ у него, разбудилъ его; при мнѣ расковали...

— Что же онъ нашель?—спросилъ Солмовскій.

— Да вотъ письмо прислалъ,—сказалъ Платонъ, подавая Черномышеву конвертъ. Тотъ началъ читать.

— Ну, слава Богу! Я боялся, что дѣйствительно сплечь.

— А что же?—спросилъ Сомовъ.

— Оказывается, въ стрѣлку попалъ гвоздь; его вытащили, рану промыли, и лошадь хромать перестала...

— Ну-съ, что вы, многоуважаемый профессоръ-практикъ, на это скажете?—обратился Солмовскій къ Сомову.

— Что скажу? Скажу, что были примѣры и со свѣтилами, гдѣ они впадали въ грубыя ошибки, да не съ безсловесными животными-паціентами, а съ людьми, которые объясняютъ, гдѣ у нихъ болитъ и что они чувствуютъ...

— Да, конечно, я съ вами вполне согласенъ, и поэтому совѣтую вамъ въ другой разъ болѣе осмотрительно относиться къ вашимъ діагнозамъ, а главное—осторожнѣе примѣнять ваши варварскія средства. — Солмовскій подсмѣивался надъ Сомовымъ.

— Вонъ Сапоговъ съ кѣмъ-то ѣдетъ,—воскликнулъ Сомовъ, довольный, что можно переменить тему разговора.

— Здравствуйте! — сказалъ подъѣхавшій съ молодымъ упитаннымъ нѣмчикомъ Сапоговъ.—А Тюрьмина еще нѣтъ? Впрочемъ, это обыкновенная исторія,—всегда къ третьему звонку.

Но на этотъ разъ Тюрьминъ измѣнилъ своему обычаю и подъѣхалъ почти вслѣдъ за Сапоговымъ. Съ нимъ при-

ѣхаль нѣмецъ—хозяинъ большой булочной—геръ Робергъ, маленькій пожилой господинъ съ огромной сѣдой бородой, въ пенсенѣ; онъ напоминалъ своей фигурой Черномора изъ «Руслана и Людмилы».

— Вотъ и отлично, что пріѣхали. Какъ я радъ, спасибо!—говорилъ Черномышевъ.—А я, признаться, побаивался, что вы не пріѣдете.

— Какъ можно!.. разъ волки въ Карманѣ—это все равно, что въ мѣшкѣ,—сказалъ Тюрминъ.

— Ради Бога, только про мѣшокъ ни слова: это наше больное мѣсто,—сказалъ Сомовъ.

— Ну, положимъ, въ нашей Одиссеѣ больныхъ мѣстъ много: мѣшокъ, цѣпная собака, Ванька Березовъ, поджогъ, аграрные безпорядки, ночное путешествіе, гдѣ, только благодаря знанію мѣстности одного изъ насъ, мы благополучно восемь верстъ всю ночь ѣхали,—сказалъ Солмовскій.

— Виновать, — замѣтилъ Шубинъ, — а что же вы про ваши выстрѣлы по двумъ лисамъ не рассказываете? по моему это тоже одно изъ больныхъ мѣстъ.

— Про это я умолчалъ съ цѣлью, чтобы не волновать воспоминаніями нашего профессора по сплочной части. Я думаю, что съ него и одного сплека достаточно. Его и это должно беспокоить. А то еще напоминать ему, какъ онъ мазалъ по лисамъ, это будетъ, по-моему, безсердечно.

— Судя по вашимъ разговорамъ, вы поохотились хорошо. Ну, рассказывайте, что, гдѣ и какъ,—просилъ Тюрминъ.

— Давайте грузиться. На баржѣ все расскажемъ,—сказалъ Черномышевъ.

Погрузились на баржу, не отпрягая лошадей. Пароходъ отвалилъ. Буксиръ натянулся. Наши охотники поѣхали за Волгу. На баржѣ прибывшимъ все было рассказано со всѣми подробностями.

Переѣздъ съ одного берега на другой продолжался около часа. Выгрузившись и нанявъ пару лошадей въ фурѣ, поѣхали въ Карманъ. Отъ слободы Никольской до Кармана считаютъ тридцать пять верстъ. Денекъ былъ теплый и тихій. Дорога хорошая, все время почти займищами,

весной заливаемыми полою водой. Къ четыремъ часамъ охотники были на мѣстѣ, въ лѣсной караулкѣ.

Никифоръ пришелъ раньше, накормилъ собакъ и устроилъ ихъ въ землянкѣ. Полѣсовый Оедоръ былъ общественнымъ караульщикомъ громаднаго займища, принадлежащаго обществу крестьянъ с. Румянцева. Эти займища давали хорошій доходъ обществу, главнымъ образомъ покосами. На нихъ ставилось болѣе двухъ тысячъ стоговъ сѣна, которое зимнимъ путемъ все убиралось, и къ веснѣ Оедоръ перебирался въ село, такъ какъ все займище заливалось водой, и даже караулка, находящаяся на одной изъ самыхъ высокихъ гривъ, затоплялась выше оконъ.

— Здравствуй, Оедоръ! Ну, какъ волки?

— Я ужъ вамъ писалъ: шесть молодыхъ и два старыхъ есть; живутъ въ Карманѣ; и лошадей перерѣзали штукъ пятнадцать. Вчера ночью кобылу съ жеребенкомъ около Лебяжьяго зарѣзали.

— Погоди, недолго имъ тутъ хозяйничать. Завтра же заберемъ,—сказалъ Черномышевъ.—Ну, а какъ мы помѣстимся? Да и насчетъ ѣды надо похлопотать. Баранина у тебя есть?

— Купилъ для себя трехъ барашковъ, уступлю вамъ одного. Если прикажете, то сейчасъ пойду свѣжевать.

— Валяй-ка, братъ! кстати и кашпцу вечеромъ сварить; а то два дня безъ горячаго; похлебать хорошо будетъ,—сказалъ Сомовъ.

— Давайте, господа, напьемся чаю и пойдемъ на утиный перелетъ, посидимъ. Вѣдь на подвывъ Сергѣй Владиміровичъ поѣдетъ, конечно, самъ. А нашего жреца, отъ слова жрать, Константина Алексѣевича, попросимъ заняться хозяйствомъ и приготовить похлебку изъ баранины,—будетъ ему лодырничать-то. Я думаю, что въ кулинарномъ искусствѣ онъ окажетъ больше знанія, чѣмъ въ ветеринарномъ, такъ что ль, Сомовъ, а?

— Ладно, ладно! Оба дня буду васъ кормить, только вечеромъ, чтобы концертъ былъ. Идетъ?

— Идетъ!

Соглашеніе между пріятелями состоялось.

Караулка, гдѣ пришлось помѣститься, была очень мала, около семи аршинъ въ длину и ширину. Первая половина, которую собственно можно называть скорѣе сѣнями, была занята псарями, а въ главной избѣ помѣстились господа и семья Ѳедора, состоящая изъ жены, матери-старухи и семи человѣкъ дѣтей. Полъ въ избѣ былъ земляной. Отъ печки вдоль всей стѣны шли нары; на нихъ и на печкѣ помѣщались ребята.

Слегка закусивъ и напившись чаю, Солмовскій, Сапоговъ, оба нѣмца и Жуковъ пошли въ засидку на утокъ. Тюрминъ, Черномышевъ и Шубинъ собирались на подвывку, а Сомовъ приготавливался удивить всѣхъ своимъ кулинарнымъ искусствомъ.

— Костя, не унывай, завтра стрѣляемъ, — говорилъ Тюрминъ, угощаясь съ Черномышевымъ. — Помните, какъ позапрошлый годъ мы только одного старика упустили; переплылъ, каналья, рѣку; а все тогда этотъ нѣмецъ! угналъ его, сталъ дуракомъ; тотъ увидалъ его, повернулъ отъ лавовъ да вплавъ пошелъ; а стой онъ хорошо, всѣхъ бы забрали.

— Ну-ка, Сергѣй Владиміровичъ, съ вашего разрѣшенія, еще по рюмочкѣ! — говорилъ Черномышевъ. — Я сегодня могу себѣ разрѣшить, на радостяхъ, немножко лишнее выпить. Помилуйте, во-первыхъ, вѣрные волки, а во-вторыхъ, съ лошадыю ничего серьезнаго нѣтъ.

— А ты все-таки рецептъ-то побереги, можетъ, потомъ пригодится, — говорилъ Сомовъ.

— Да, да, конечно. Покорно благодарю, непременно спрячу.

Сомовъ приказалъ затопить печь и занялся разрѣзываніемъ баранины; посадилъ бабу чистить картошку, морковь и лукъ для похлебки. Отдѣливъ цѣлую баранью ногу, онъ задумалъ угостить компанію жиги изъ баранины и, натывъ на нее чесноку, сѣлъ въ ожиданіи, пока растопится печь и можно будетъ заготовленное поставить варить и жарить.

Стало совершенно темно. Тюрминъ, Черномышевъ и Шубинъ, взявъ съ собой Никифора и Ѳедора за кучера, уѣхали подвывать. Съ засидки вошли въ избу остальные охот-

ники. Они ничего не убили, такъ какъ, не зная хорошо мѣста, сѣли не на томъ озерѣ, гдѣ нужно было сидѣть. Но они слышали, какъ утки летали стороной и садились далеко отъ нихъ.

— Ну, господинъ кулинаръ, какъ дѣла?—спросилъ Сомовскій.

— Садитесь и пейте чай, а когда подѣдутъ подвывалы, то будемъ ужинать,—отвѣчалъ Сомовъ, старательно чистившій баранью голову.

Ночь выдалась чудесная, теплая, тихая; въ лѣсу, что называется, не шелохнетъ. До Кармана отъ караулки было версты три, и Черномышевъ съ компаніей живо доѣхали. Посмотрѣли на часы: было девять.

— А не рано мы пріѣхали?—задалъ Тюрьмину вопросъ Черномышевъ.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣчалъ тотъ.—Если выводокъ никто не пугалъ, то старики-то на промыселъ уходятъ еще засвѣтло; и молодежь скоро отзывается на ихъ голосъ.—Гдѣ они больше держатся?—обратился онъ къ Федору.

— Около терновой поляны, а логова въ тернахъ. Я какъ-то ходилъ, такъ тамъ нашелъ костей!.. кучами валяются.

— Поѣдемъ туда. Станемъ съ фурой около стога, а подвывать пойдемъ въ опушку. Только поѣзжай шагомъ и молча.

Выѣхали на поляну, подвернули фуру къ стогу и послали Никифора попробовать звать. Онъ отошелъ шаговъ на пятьдесятъ, присѣлъ за кустомъ и завылъ. Только что онъ кончилъ, не болѣе какъ въ полуверстѣ отозвались два голоса, потомъ присоединились къ нимъ еще голоса.

— Вотъ это значитъ есть,—сказалъ Черномышевъ Шубину.—Это не то, что хохоль съ ружьемъ. Зови еще!—сказалъ онъ вполголоса Никифору.

Но только тотъ началъ, какъ, не окончивши, кинулся къ фурѣ и прыгнулъ въ нее.

— Что ты? чего испугался?—спрашивали его.

— Какъ же,—говорилъ онъ испуганнымъ голосомъ,—я только началъ, а около меня какъ что-то фукнетъ, да по листьямъ зашумѣло и прямо въ кустъ. Я, признаться, немного оробѣлъ.

— Ха-ха-ха!—засмѣялся Тюрминъ.—Вотъ такъ трусь! Да это ежъ. Онъ всегда какъ наткнется на человѣка, такъ съ перепугу чуфыкнетъ, а самъ въ клубокъ свернется. Пойдемъ смотрѣть.

Всѣ пошли и дѣйствительно нашли ежа около куста, гдѣ сидѣлъ Никифоръ.

— Ну, теперь отойдемъ немного подальше и сядемъ. Я позову сначала просто, а потомъ, какъ отзовутся, буду звать на кормъ,—сказалъ Тюрминъ.—Мы ихъ пересчитаемъ. Волки не пуганы и сейчасъ явятся, только сидите смирно, пока не уйдутъ.

Охотники перешли на другую сторону поляны, чтобы заставить волковъ идти черезъ нее. Тюрминъ завылъ протяжно и послѣднюю ноту протянулъ долго, такъ что она замерла тихо въ пространствѣ. Волки опять отозвались.— По голосамъ трудно было считать,—но отозвавшись, они оставались на мѣстѣ.

— Что же они не подаются?—тихо спросилъ Шубинъ.

— А вотъ теперь посмотрите, какъ они попрутъ и будутъ носиться,—отвѣтилъ такъ же тихо Тюрминъ,—я сейчасъ ихъ позову на кормъ.

Онъ опять завылъ, сначала такъ же, какъ и въ первый разъ—протяжно, но послѣднюю ноту велъ съ перерывами, какъ бы выговаривая: ау-ау-ау. Минуты двѣ была тишина. Потомъ послышался трескъ по мелочамъ; трещали кусты и шуршала трава; и весь выводокъ, перегоня другъ друга, взвизгивая, неся къ полянѣ. Выскочивъ на поляну, волки начали бѣгать, ища мать или отца—съ добычей. Они проходили отъ охотниковъ не далѣе шести, семи шаговъ; ихъ было шесть. Охотники замерли. Минуть пять прошло, но волки и не думали уходить, а начали игру и возню. Вдругъ въ сторонѣ раздался вой; волки остановились,—послушали и кинулись всѣмъ выводкомъ на голосъ.—На полянѣ стало тихо.

— Это вотъ настоящая мать пришла,—сказалъ Тюрминъ,—и посмотрите, задастъ имъ трепку за то, что на чужой голосъ вышли.

Дѣйствительно, вдали слышались, какъ бы взвизгиванья.

— Теперь ѣдемъ ужинать. Видали. — Завтра охота будетъ чудесная. Хорошо бы еслибъ завтра погода была такая же, какъ сегодня. — Охотники сѣли въ фѹру и поѣхали.

— Знаете, господа, я первый разъ такъ близко видѣлъ волковъ на свободѣ. Это очень интересно; вѣдь можно было убить штуки двѣ. Я никогда не думалъ, что подвывъ такая интересная вещь, — говорилъ Шубинъ.

— Скольکو интересныхъ случаевъ я могу вамъ рассказать, Павелъ Николаевичъ, — сказалъ Тюрминъ, и началъ рассказывать изъ своей охотничьей практики.

По голосамъ пріѣхавшихъ остальные могли догадаться что дѣло хорошо. — Сомовъ хлопоталъ за ужиномъ больше всѣхъ. Похлебка очень удалась, но жиго было сверху подожжено, а внутри сыровато. — Онъ доказывалъ, что это не его вина, и что если бы былъ духовой шкафъ, то жиго было бы не хуже, чѣмъ у Кюба. Съ нимъ соглашались, и признали, что онъ въ кулинарномъ искусствѣ знатокъ.

— А завтра, господа, я васъ угощу щами и пловомъ изъ баранины; досталъ случайно у хозяйки рису и сдѣлаю пловъ. Все заготовлю и расскажу, какъ надо сдѣлать, направлю... Ручаюсь, что обѣдъ будетъ вкусный, — говорилъ весело Сомовъ, польщенный похвалой по поводу его похлебки.

— Да, знаете, этотъ хлебка очень корошъ, и здѣсь корошъ очень вкусенъ этотъ маркофъ митъ картофель, только ушасно ширный, но этово на руссишъ вкусъ корашо, — сказалъ Черноморъ.

— Конечно, это правда, это не то, что вашъ нѣмецкій «вассеръ супъ» изъ манныхъ крупъ, два ведра воды, одна луковица, гдѣ крупина за крупиной бѣгаетъ съ дубиной и никакъ не можетъ догнать; но что русскому здорово, то нѣмцу смерть, — сказалъ Солмовскій.

— Нѣтъ, Василь Николаичъ, этово не совсѣмъ справедливо есть, — говорилъ, добродушно, не обижаясь, Черноморъ. — А нѣмецкій вурстхенъ, а разни кухенъ, это очень ширно.

— Это вы въ Россіи набаловались, Карлъ Фердинандовичъ, кушать жирное, а за границей все основано на аккуратности.

— Н-да, аккуратность, это есть мамаша всякій бережливость. Ви биль за границу? неушели тамъ въ ресторанъ такой безобразіи какъ въ Россіи?

— Нѣтъ, что вы, конечно не такъ! Тамъ вы приходите въ ресторанъ, и не видите почти прислуги, а у насъ за каждымъ посѣтителемъ два лакея ухаживаютъ, съ глазъ не спускаютъ, точно боятся, что ложку или вилку стащитъ.

— И такой слючай биваютъ,—перебилъ Черноморъ.

— Да, къ сожалѣнію, — продолжалъ Солмовскій. — А тамъ у нихъ какъ устроено: тарелочка металлическая въ столъ врѣзана! — небось въ морду лакею не бросишь... Ножикъ, вилка и ложка — на цѣпочкахъ!.. — тоже въ карманъ не положишь. Приходятъ всѣ, садятся къ приборамъ, и ждутъ. По звонку выходитъ поваръ; у него на ремнѣ черезъ плечо надѣтъ сосудъ, вродѣ большой клистирной трубки. Онъ подходитъ, и въ тарелку выцѣживаетъ супъ. Сейчасъ же протягиваетъ руку и ждетъ за него уплаты. Если немедленно не уплатили; то онъ съ тарелки супъ втягиваетъ обратно въ трубку и идетъ къ слѣдующему. И аккуратно, и безъ скандала.

— Ви, я думаль, што такое скашите другой, а ви кой-то глупство расказать,—сказаль со смѣхомъ Черноморъ.

Всѣ хохотали, всѣмъ было весело.

— А какъ будемъ укладываться? — поинтересовался кто-то.

— Какъ! на полу, конечно; притацать сѣна и устроимся. Спать придется плотно другъ къ дружкѣ. Но въ снѣ ли дѣло, когда завтра предстоитъ цѣлый, нетронутый выводъ,—сказаль Тюрьминъ.

Всѣ съ нимъ согласились и стали укладываться.

— Ну, господа,—сказаль Черномышевъ,—насъ клопы сегодня заѣдятъ, я ужъ это знаю. Здѣсь ихъ чортова пропасть... совѣтую вамъ обсыпаться порошкомъ. У меня есть въ запасѣ.

Онъ вынулъ изъ погребца небольшую металлическую банку съ порошкомъ и, кромѣ того, что посыпаль свое ложе, обсыпаль подушку, насыпавъ себѣ на лысину, надѣлъ свою ермолку и сталъ похожъ на раввина.

— Слушай-ка, реббе! завтра не рано вставать? — спросилъ его Сомовъ.

— Нѣтъ, рано не стоитъ. На утреннюю провѣрку ѣздить не надо: волки вѣрны и уйдти имъ некуда, — отвѣтилъ за Черномышева Майнъ-Ридъ.

— Давайте укладываться и спать.

— А сколько насъ человѣкъ будетъ въ сей храминѣ? надо сообразить, — сказалъ Солмовскій.

Оказалось, что къ ночи еще добавилось штукъ пять бабъ хохлушъ, которыя днемъ навивали сѣно, а ночевать остались въ караулкѣ.

— Гдѣ же вы спать будете? — спросилъ ихъ Сапоговъ.

— А гдѣ жъ! тутъ же! вотъ полягаемо подъ нары, та и годи.

Однимъ словомъ — оказалось, что въ избушкѣ ночевало: семья хозяина — девять душъ, хохлушъ пять душъ, да охотниковъ девять человѣкъ, а всего двадцать три души.

— А что мы къ утру не задохнемся? — интересовался кто-то.

— Ню, это какъ селетка на боченокъ, — острилъ Черноморъ.

— Да, вотъ теперь, нѣмецъ, держись! попробуй-ка русскій духъ выдержать. Только, бабы, смотрите, вы у меня, держите себя пристойно, — шутилъ Солмовскій.

— Ничего, народу много, къ утру всякій духъ вынюхаютъ, — смѣялись бабы.

Похохотали и понемногу успокоились.

Задолго до свѣту проснулся Солмовскій и разбудилъ Сомова.

— Батюшки! ой, ой, ой! скорѣй открыть хоть окно! вы смотрите, что здѣсь дѣлается!.. не только топоръ, а хоть плугъ желѣзный — и тотъ повиснетъ.

Проснулся еще Черноморъ.

— Фу! какой свинство! фъ этотъ воздухъ ушасно сильно атмосферомъ пахнетъ.

Зажгли свѣчу и открыли окно.

— Этого мало! Давайте еще дверь отворимъ, и хоть немного освѣжимъ, — сказалъ Солмовскій.

Разбудили Ваньку и велѣли ставить самоваръ. Всѣ охотники, просыпаясь, были недовольны воздухомъ, но черезъ открытыя окно и дверь воздухъ очистился, и стало сносно. Пока пили чай, начало свѣтать.

— Ну, господа! давайте здѣсь разберемся; лазы извѣстны. Возьмемъ номера дома, чтобы, подъѣхавъ къ острову, стать тихо,—сказалъ Майнъ-Ридъ.

Номера взяли, но ѣхать все-таки было рано. Сомовъ толковалъ хозяйкѣ, какъ надо дѣлать обѣдъ. Самъ нарубилъ мясо и положилъ его въ чугунокъ, вмѣстѣ съ бараньей головой; указалъ, сколько положить капусты и прочаго. Сѣно изъ избы убрали и начали собираться ѣхать.

Мѣстность, гдѣ были волки, называемая Карманъ, представляла изъ себя очень большой кусокъ лѣса, окруженный съ трехъ сторонъ водой. Съ одной стороны, рѣкой Волгой, а съ другихъ двухъ — извиистой рѣкой Карамышемъ, впадающей въ Волгу. Рѣка Карамышъ однимъ изъ своихъ изгибовъ подходила къ Волгѣ, въ разстояніи менѣе версты. Это мѣсто должны были занять стрѣлки, а у самого берега р. Карамыша рѣшили поставить лошадей. Волкамъ дѣваться было некуда. Черезъ рѣку они идутъ не охотно, а поэтому, единственное мѣсто, гдѣ они должны идти — это между Волгой и Карамышемъ, гдѣ стояли стрѣлки. И никакъ не могли миновать они этого мѣста. Дѣйствительно, они были, какъ въ мѣшкѣ. Никифору было приказано гончихъ бросить прямо съ терновъ, гдѣ голова; а такъ какъ туда ѣхать надо было черезъ линію охотниковъ, то ждать наброса не приходилось, а какъ доѣдетъ, такъ сразу долженъ бросать.

Охотники выѣхали часовъ въ девять. Доѣхали до лазовъ. Тюрминъ разставилъ, а Никифоръ поѣхалъ дорожкой съ гончими. Не прошло и полчася, какъ стая, насаженная прямо на логова, заголосила. Послышался крикъ со стороны кучеровъ. Они кричали на старика. Онъ отъ крика повернулъ въ сторону и напоролся на Сапогова. Тутъ, допустивъ его на себя шаговъ на десять, и даже немного пропустивъ, выстрѣлилъ. Волкъ покатился кубаремъ. Сапоговъ, для вѣрности, еще далъ выстрѣлъ — подпрегъ, какъ

выразился онъ. Старикъ послѣ выстрѣловъ—не шелохнулся. Почти въ это же время, старуха выскочила на Солмовскаго и тутъ же легла отъ его выстрѣла,—на этотъ разъ картечью. Гончія вывалили. Имъ дали потаскать убитыхъ, и Никифоръ опять увелъ на логова. Гончія гоняли превосходно: по одному волку, на чутяхъ, выносили ихъ прямо къ стрѣлкамъ. Но нельзя сказать про охотниковъ, чтобы они хорошо стрѣляли. Черномышевъ два раза промазалъ по двумъ волкамъ. Сомовъ стоялъ на такомъ мѣстѣ, что ему были ридны Сапоговъ и Солмовскій, и въ то время, когда они стрѣляли, невольно слѣдилъ за ними; а волкъ, шумовой, наткнулся на него и вернулся обратно. Онъ его увидалъ уже удиравшимъ внѣ выстрѣла. Упитанный нѣмчикъ тоже прозѣвалъ, и его волка, кинувшагося отъ него на Тюрмина, тотъ убилъ. Шубинъ убилъ одного. Гончія долго гоняли, но все внутри Кармана. На послѣдняго волка, по которому пропуделялъ Черномышевъ, стая насѣла, и будь не почти ноябрьскій волкъ, да кстати сказать—очень крупный и сильный,—его бы живо сгоняли. Но стая, немного утомленная гономъ по старикамъ, не могла его сразу дойти. Никифору же мѣшали кусты, и ему приходилось подбираться къ стаѣ дорожками. Стая прижала волка, въ изгибѣ Карамыша, къ водѣ. Сзади насѣлъ Никифоръ, и волкъ кинулся въ рѣку. Стая за нимъ. Ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ была сажень тридцать; тотъ берегъ—песчаная отмель.—Уйдетъ!—думалъ Никифоръ, и стоя около воды, улюлюкалъ, что было силы. Картина была замѣчательно красивая: волкъ, отфыркиваясь, торопился плыть, а гончія насѣдали. Вотъ Бушуй дошелъ до волка и окинулъ его. Доспѣли другія и начали купать волка, все приближаясь къ отмели. Наконецъ, волкъ, окруженный гончими, сталъ на ноги и старался выбраться на песокъ.—Улю-лю! Улю-лю!—оралъ Никифоръ. Но и безъ этого гончія уже на берегу накрыли волка... была видна какая-то каша. Волка не видно, головъ гончихъ тоже, только одни гоны торчали изъ этой кучи. Никифоръ тронулъ своего сѣраго въ воду. Тотъ, отойдя далеко отъ берега, поплылъ.—Улю-лю! милая, держите его, родимыя!—оралъ Никифоръ, переплы-

вая рѣку. Добравшись до стаи, Никифоръ мигомъ принялъ волка.

Назадъ ему перебираться было гораздо труднѣе. Переплывая къ стаѣ, онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ страсти, побѣдившей разсудокъ; а отсюда ему приходилось руководиться только однимъ разсудкомъ. Онъ ѣздилъ по берегу съ второченнымъ волкомъ и искалъ брода. Но рѣка была вездѣ одинакова. Онъ, пожалуй, еще долго искалъ бы, если бы не услышалъ сигналъ въ рогъ: „Ходи вонъ“. Это заставило его рѣшительно вѣѣхать въ рѣку и, опять вплавь, перебираться на ту сторону. Охотники сошлись вмѣстѣ и ждали, когда придетъ псарь съ гончими.

— А! и ты съ полемъ,—весело сказалъ Черномышевъ.— Да что ты весь мокрый?—Никифоръ рассказалъ. Ему сейчасъ же поднесли стаканъ водки. Онъ раздѣлся и надѣлъ чей-то запасный чепанъ, а на ноги чьи-то валенныя ка-лоши.

— Все бы ничего,—говорилъ онъ,—только табакъ подмочилъ.—Ему дали папирсъ, а Черноморъ далъ одну сигару. Развели костеръ, и кучера надъ огнемъ просушивали платье Никифора.

— А гдѣ же еще три прибылыхъ?—спросилъ Сапоговъ.

— Никуда не дѣнутся, всѣ тутъ будутъ,—сказалъ Тюрминъ.— Вотъ если бы стариковъ не убили, то ночью, непременно бы молодыхъ увели, а теперь они гдѣ-нибудь здѣсь же запали. Отдохнемъ, позавтракаемъ и опять набросимъ. Только теперь надо стать погуще; гдѣ убиты старики, тамъ можно мѣста бросить—прибылые туда не пойдутъ. А смотрите, какіе здоровые!.. всѣ три—самцы, чисто, какъ перьярки.

— Еще бы, сколько они скота-то за лѣто порѣзали, уйму!.. небось на каждомъ фунтовъ двадцать сала будетъ,—замѣтилъ полѣсовый Федоръ.—Позавтракавъ и просушивъ платье Никифора, на что ушло около двухъ часовъ, охоту начали снова. Но сколько ни искали гончія, какъ ни лазили по разнымъ чащамъ псарь и выжлятники, остальныхъ волковъ не находили. День уже клонился къ вечеру. Всѣ немного приуныли; только одинъ Майнъ-Ридъ не горевалъ.

— Не безпокойтесь, завтра добьемъ остальныхъ, никуда не дѣнутся,—утѣшалъ онъ.

— Да куда же они сегодня-то дѣвались? словно сквозь землю провалились!—говорили ему.

— Чортъ ихъ знаетъ! я думаю, что гончія, навалившись на волка и затаскавъ его, сильно утомились и потеряли чутье,—замѣтилъ Сапоговъ.

— И это можетъ быть,—согласился Тюрьминъ.—Вечеромъ на подвывѣ узнаемъ,—добавилъ онъ.

Но узнали раньше вечера, а какъ только доѣхали до караулки. Тамъ ожидалъ нашихъ охотниковъ хохоль, видѣвшій, какъ три волка переплыли рѣку и ушли черезъ поляну въ лѣсъ. Онъ накладывалъ хворостъ и они недалеко отъ него прошли.

— Та и здоровы же, якъ телята,—добавилъ онъ.

— Вотъ и разгадка найдена,—замѣтилъ Тюрьминъ.

— А они не уйдутъ куда-нибудь зря,—спросилъ Шубинъ.

— Нѣтъ, къ вечеру же будутъ на старомъ мѣстѣ. Хотите опять со мной на подвывѣ? поѣдемте, провѣримъ, и завтра покончимъ съ ними.

— Конечно, поѣду, съ удовольствіемъ; по-моему, это самое интересное дѣло въ охотѣ. Жаль только, что ночью фотографировать нельзя.

— Господинъ Оливье, а что нашъ обѣдъ? — обратился къ Сомову Солмовскій. Но тотъ уже возился съ бабой около печи и провѣрялъ—такъ ли она все сдѣлала, какъ онъ ей говорилъ.

— Сейчасъ, господа, можно и садиться.

На стѣнѣ горѣла маленькая керосиновая лампа-ночникъ безъ стекла.

— Ванька, давай свѣчей, а то тутъ такая темнота, что, пожалуй, наѣшься чортъ знаетъ чего.

Оказалось, что послѣднюю свѣчу сожгли сегодня утромъ, а запасныя, два фунта, представляли изъ себя какую-то кашу въ бумажныхъ сверткахъ. Во время суматохи отъ поджога ихъ сунули въ брезентовый мѣшокъ и, конечно, раздавили и переломили. Зажгли было предложенный

Федоромъ коганецъ-черепокъ съ бараньимъ саломъ и тряпкой, вмѣсто фитиля, но онъ такъ чадилъ и коптилъ, что пришлось довольствоваться свѣтомъ отъ лампы-ночника. Закусивъ и выпивъ, усѣлись къ столу, гдѣ на срединѣ была поставлена Сомовымъ большая деревянная чашка съ дымящимися щами.

— А щи, дѣйствительно, хороши. Молодецъ Оливье! — похвалилъ Тюрминъ, — только соли маловато.

— Я нарочно немного солилъ, не всякій любитъ соленое. Можно теперь на столъ добавить, — сказалъ Сомовъ. — Подвинься отъ свѣта немного, а то въ соли что-то темное. Ну, вотъ видишь, — сказалъ Сомовъ, выбрасывая что-то изъ солоницы ложкой. — Соль-то на шесткѣ стояла и въ нее сажа нападала; еслибы не посмотрѣлъ, такъ бы съ сажей и набухалъ, — говорилъ онъ, досаливая щи и мѣшая ихъ деревянной ложкой.

— Да, на охотѣ бываютъ разные курьезы. Со мной былъ случай; поѣхали мы со Старичкомъ и Верхоглядомъ за Волгу дупелей стрѣлять; тогда еще закона объ охотѣ не было. Поѣхали на лодкѣ: насъ трое и лодочникъ. Я всегда, когда на ночевку ѣхалъ, бралъ что-нибудь изъ теплаго платья, а они налегкѣ. Было это, какъ сейчасъ помню, девятого мая, на Николинъ день. Выѣхали изъ города — погода была теплая, а потомъ начался холодъ и ураганъ, да со снѣгомъ, а къ ночи стало морозить. Я въ палаткѣ подъ полущубкомъ уснулъ, а они цѣлую ночь зябли. Передъ свѣтомъ они скипятили чайникъ и разбудили меня, спрашивая, гдѣ чай; чай былъ въ жестянкѣ, въ мѣшочкѣ. Верхоглядъ полѣзъ въ мѣшокъ, досталъ и заварилъ. Горячаго-то на такой стужѣ было пріятно выпить. Они по стакану хватили. Какъ начало ихъ драть, такъ прямо все нутро чулкомъ выворачивало. Я вскочилъ, напугался; оказывается, они впотьмахъ перемѣшали мѣшки и, вмѣсто моего, взяли мѣшокъ лодочника, гдѣ въ жестяной банкѣ была махорка; ее-то вмѣсто чаю они напились. А то еще разъ, тоже ночью, зачерпнули воды въ чайникъ въ озерѣ; тутъ ужъ и я пилъ; да когда стали чайникъ опрастывать, то тамъ оказалась здоровая лягушка; сваривъ

лась вся цѣликомъ и съ потрохами; на охотѣ это легко можетъ случиться,—это не дома.

— Ну, на этотъ счетъ мы въ Сомовѣ увѣрены, что онъ насъ дрянью не накормитъ; я вижу, какъ онъ къ этому дѣлу внимательно относится.

— Еще бы, я ужъ въ этомъ очень остороженъ и аккуратенъ, не бойтесь,—сказалъ Сомовъ; онъ торжествовалъ, что его заботы опѣнили. Всѣ были голодны, да и горячія жирныя щи были дѣйствительно вкусны.

— Хорошо бы перчику,—сказалъ кто-то.

— Сейчасъ достану. — Сомовъ кинулся къ открытому чемодану Черномышева, вынулъ оттуда жестянку и началъ сыпать въ чашку, размѣшалъ и начали ѣсть.

— Что это ты, Костя, туда положилъ?

— Это мой секретъ,—сказалъ Сомовъ.

— Какой-то особенный вкусъ и аромат! щи прекрасны... перцу только мало, сыпъ гуще. — Сомовъ высыпалъ изъ банки остальной перецъ. Щей еще добавили.

— А перцу все-таки мало,—сказалъ Солмовскій.

— Больше цѣтъ, все высыпалъ, что было въ баночкѣ,—заявилъ Сомовъ.

— Вы, Константинъ Алексѣевичъ, возьмите у меня въ громонтѣ, тамъ есть. — Сомовъ отыскалъ баночку съ перцемъ и подаль ее Солмовскому. Тотъ высыпалъ изъ нея изрядную порцію.

— Ну, теперь ужъ переперчили, — сказалъ Сапоговъ, подлить надо. — Щей еще добавили.

— Вотъ теперь прекрасно,—согласились всѣ. Наконецъ, со щами было покончено. Сомовъ подаль мясо и разрубленную баранью голову. Стали ѣсть мясо, находя и его очень вкуснымъ. Сомовъ торжествовалъ, онъ сознавалъ себя героемъ положенія и это ему льстило. Черноморъ началъ есть бараньи мозги.

Упитанный нѣмчикъ, желая сострить, обратился къ нему.

— Ви что дѣлаете, Карлъ Фердинадровишъ, ви себѣ запасъ пополняете?

— Да,—отвѣчалъ тотъ, не смущаясь. — Я послѣ обѣда думаю съ вами немношко сдѣлать разговоръ, и, думаю, что

свой мозги, для такой бесѣды беспокоить не надо, а для это дѣло хватить и мозгъ барана,—отпарировалъ тотъ.—Всѣ засмѣялись; нѣмчикъ сконфузился.—Пловъ не совсѣмъ удался и изъ него только выбрали мясо; а рисъ совершенно высохъ.—Но это, объяснялъ Сомовъ, вина не его, а бабы: во-время не выставила; вообще пловъ хорошъ только, когда его готовятъ на плитѣ. Но съѣденныя щи и вареное мясо искупили все. Всѣ благодарили Сомова за обѣдъ.

Сомовъ былъ очень доволенъ.—Приказали Ванькѣ скорѣе самоваръ, такъ какъ надо было торопиться ѣхать на подвѣвъ. Шубинъ и Тюрминъ поѣхали съ Никифоромъ и Федоромъ. Черномышевъ съ Жуковымъ и нѣмцемъ пили пиво. Солмовскій, Сомовъ и Сапоговъ бесѣдовали о дѣлахъ Общества энской охоты.

— Какъ-то сегодня отзовутся,—говорилъ Шубинъ.—Я думаю послѣ такого гона не сразу.

— Что вы: вы посмотрите: не успѣемъ завѣть, какъ будутъ тутъ,—увѣрялъ Тюрминъ.

Подѣхали къ вчерашнему стогу.

Оставили лошадей съ Федоромъ и втроемъ пошли въ кусты. Не успѣлъ позвать Никифоръ, какъ волки, въ три голоса, отозвались. Немного погодя, Никифоръ опять позвалъ. Волки отозвались тамъ же.

— Знаешь, Никифоръ,—сказалъ Тюрминъ,—они отзываются за рѣкой, значитъ, не перешли обратно; больно мы ихъ напугали. Придется идти къ берегу и перезвать ихъ оттуда. Ты найдешь мѣсто, гдѣ переплывалъ?

— Какъ же не найти, найду.

— Пойдемъ туда и я самъ буду звать на кормъ.

Мѣсто было найдено, Шубина и Никифора Тюрминъ посадилъ въ кустахъ около берега, а самъ отошелъ сажень на сто въ глубь лѣса и завылъ на кормъ. Только что онъ кончилъ, какъ на противоположномъ берегу, на пескѣ, показались три волка. Несмотря на то, что волки были на свѣтломъ фонѣ песковъ, ихъ, всматриваясь въ темноту, все-таки съ большимъ трудомъ можно было разсмотрѣть. Они взвизгивали и носились около воды. Тюрминъ еще позвалъ. Волки сильно беспокоились, но, добѣгая до воды, не

рѣшались пускаться вплавь, а зайдя по колѣно въ воду, возвращались опять на песокъ. И только послѣ третьяго позыва одинъ изъ волковъ кинулся въ рѣку и поплылъ. Остальные два тутъ же кинулись за нимъ. Переплывъ рѣку, они выскочили на берегъ. Слышно было, какъ они встряхнулись и кинулись къ чащѣ.

— Всѣ трое здѣсь!—крикнулъ Никифоръ Тюрмину.

— Что ты дѣлаешь? испугаешь!—сказалъ Шубинъ.

— Не бойтесь, теперь никуда не уйдутъ! лишь бы сюда заманить.

— Ну, Павелъ Николаевичъ, видѣли? теперь ѣдемъ!

И они поѣхали домой.

— Меня, должно быть, растрясло на фурѣ, что-то животь схватываетъ,—сказалъ Шубинъ.

— У меня тоже съ желудкомъ несовсѣмъ ладно, но я думаю, что это Ванька самоваръ поторопился подать непрокипяченный. Давайте-ка, пройдемся пѣшкомъ... Пока доѣхали до дома, проходиться пѣшкомъ приходилось очень часто...

— Хорошо, что со мной капли есть,—сказалъ Шубинъ,—а то, чортъ знаетъ, какая гадость.—Подвывалы вошли въ избу, сообщили о волкахъ.

— А гдѣ же Солмовскій и Сомовъ?—спросилъ Тюрминъ.

— А съ вами ничего особеннаго не было?—задалъ вопросъ Черномышевъ,—а у насъ тутъ вродѣ холеры...

— Кой чортъ, ничего...—сказалъ Майнъ-Ридъ,—животами совсѣмъ разладились. Вотъ сейчасъ капли будемъ принимать. Должно быть, Ванька самоваръ съ сырой водой подаль.

Капель выпили въ изрядномъ количествѣ всѣ. Пришедшіе Сомовъ и Солмовскій тоже просили капель.

— Вотъ что, господа,—сказалъ Сомовъ,—давайте-ка выпьемъ крѣпкаго чаю. Только смотри, Ванька, опять сырой водой не угости.

— Что вы, баринъ! какъ передъ истиннымъ, самоваръ кипѣлъ, и я его заглушилъ нарочно, чтобы не больно жарко въ избѣ было.

— Врещь, — горячился Сомовъ, — отчего же животы болятъ?

— Не могу знать. Можетъ что скушали, — говорилъ Ванька.

— Что скушали... щибли... вѣдь остальные, что оставались, почти половина чугуна, вы съѣли?

— Такъ точно, щи скусные, мы ихъ даже насилу осилили.

— Такъ отчего же у васъ животы не болятъ, а только у насъ?

— Не могу знать, — сказалъ Ванька, и пошелъ ставить самоваръ.

— Миша, — обратился Сомовъ къ Черномышеву, — у тебя, кажется, коньякъ былъ? дай-ка я рюмочку маленькую выпью, это поможетъ.

Коньякъ достали и даже непьющіе выпили по рюмкѣ. Послѣ лѣкарства и коньяку положеніе больныхъ значительно улучшилось, а когда напились чаю, то и совсѣмъ выздоровѣли. Стали укладываться спать. Черномышевъ пошелъ къ своему чемодану за ермолкой и порошкомъ отъ клоповъ. Вдругъ онъ схватился за животъ и повалился на полъ съ страшнымъ смѣхомъ. Всѣ вскочили и испуганными глазами уставились на него. Онъ катался по полу, судорожно хохоча и держась за животъ.

— Что съ тобой? что вы, Михаилъ Владиміровичъ? — раздавались тревожные вопросы.

— Охъ, Господи, ха-ха-ха, не могу, ой, смерть моя, умру, ей-Богу умру, ха-ха-ха, — продолжалъ онъ хохотать и валяться.

— Миша, постой, да скажи что съ тобой, — приставалъ къ нему Сомовъ.

— Уйди, охъ, ха-ха-ха, убилъ, ей-Богу убилъ, не могу умру.

— Дѣло, господа, дрянъ, съ нимъ судорги начинаются, — безпокоился Сомовъ. — Надо что-нибудь предпринять.

Всѣ страшно испугались. Съ Черномышевымъ была чуть не истерика. Ему подали въ стаканъ холодной воды; онъ отхлебнулъ немного и началъ приходить въ себя.

Но достаточно ему было встрѣтиться глазами съ Сомовымъ, какъ онъ опять начиналъ хохотать.

— Господа,—наконецъ началъ онъ, немного успокоившись,—вѣдь нашъ Оливье-то насъ, вмѣсто перцу, охъ, не могу,—и онъ опять началъ хохотать,—вѣдь онъ насъ порошкомъ отъ клоповъ накормилъ, ха-ха-ха.

Сомовъ бросился къ окну, гдѣ стояла банка, изъ которой онъ сыпалъ во щи. Приблизивъ къ свѣту банку, онъ на ней прочелъ „Арагацъ“. Онъ со злостью швырнулъ ее на полъ.

Тутъ поднялся общій хохотъ, и только Сомовъ сконфуженно смотрѣлъ на всѣхъ. Но, наконецъ, и онъ не могъ удержаться, и его смѣхъ присоединился къ общему хохоту. Болѣе часу публика не могла успокоиться, и какъ только кто-нибудь взглядывалъ на Сомова, то фыркалъ и смѣхъ снова наполнялъ избу. Наконецъ, всѣ постепенно успокоились.

На Сомова никто не сердился, вспоминая, съ какимъ рвеніемъ онъ хотѣлъ всѣмъ угодить.

На другой день охотники взяли остальныхъ трехъ волковъ. Одного убилъ Сомовъ, одного—Черноморъ, и послѣдняго—Тюрьминъ. Весь выводокъ, два старыхъ и шесть прибылыхъ, былъ взятъ начисто.

Этой охотой были окончены отъѣзжія поля нашихъ охотниковъ.

Пріѣхавъ въ Энскъ, поблагодаривъ за доставленное удовольствіе Черномышева, москвичи съ поѣздомъ уѣхали домой. Энскіе охотники обѣщали навѣстить своихъ собратьевъ москвичей во время выставки.

К. А. Вопракъ.

